

ИСКРЫ ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА

Беседа с народным артистом
Казахской ССР

Кененбаем Кожобековым

Дверь в квартиру была открыта. На площадке толпились люди. В «боевой готовности» стояли «юпитеры». В комнате, кроме Кененбая Кожобекова, сидели режиссер «Казахфильма» Файк и оператор Осенников. Гримерша чернила слегка серебристые волосы Кожобекова. Шли последние приготовления к съемкам. Артист Кененбай Кожобеков сидел в привычном, специально сконструированном для него кресле. Ему предстояло одолеть, пожалуй, самую трудную из сыгранных в кино ролей, сыграть... самого себя.

Киностудия «Казахфильм» приступила к съемкам документального фильма по сценарию студента ВГИКа Рустема Ходжикова «Мы носим его на руках». Это будет фильм о мужестве и стойкости. Фильм о силе таланта и силе духа... Четырнадцать лет назад ударом ножа в спину бандиты ранили молодого актера Кененбая Кожобекова, спешившего на спектакль в свой ТЮЗ. Повреждение спинного мозга. Паралич ног. Казалось, приговор врачей автоматически зачеркивает даже мечты о возможности играть... После этого он сыграл в кино девять ролей. Никто не мог подумать о болезни Кененбая Кожобекова, глядя, как ловко, осанисто сидит в седле один из его героев — Сырлыбай (Фильм «Кыз-Жибек»). За исполнение роли Сырлыбая на Всесоюзном кинофестивале, проходившем в Тбилиси, народный артист Казахской ССР Кененбай Кожобеков был награжден специальным дипломом «За вклад в развитие драматического искусства на экране».

Разных героев — и по складу характера, и по представлениям о жизни, и по возрасту сыграл Кененбай Кожобеков. И вот теперь, в новом фильме, предстоит рассказать о себе, вернее, рассказать о пути к самому себе, полном преодоления боли, разочарований, сомнений и постижения нелегкой и потому поистине бесценной радости.

Пожалуй, одним из самых близких и верных попутчиков на этом пути был и остается для Кожобекова Николай Островский. В юности, как и все, Кененбай увлеченно зачитывался страницами книги о Павке. Позднее, исполняя в тюзовском спектакле «Наш Гани» роль Гани Муратбаева, сравнивал своего героя с Николаем Островским: «Они принадлежали к одному поколению — юных, горячих, фанатично преданных революции. У них много общего в характерах, и прежде всего — непреклонность и в то же время гуманизм и еще — умение увидеть будущее сквозь толщу времени.» — размышляет Кожобеков. Да, в молодости он много думал о жизни и подвиге Николая Островского, восхищался им. Но уже потом в непривычной тишине больницы палаты, в долгие часы одиночества Николай Островский пришел к нему будто бы заново, пришел как личный друг, незаменимый товарищ и собеседник. Можно было читать и перечитывать его книги, искать и находить в его письмах ответы на вопросы, которые волновали и мучали больше всего. Как дальше жить, как выбраться из окружающего тебя со всех сторон сомнений в собственной необходимости, в возможности продолжать главное дело своей жизни?

«В те дни, — рассказывает Кененбай Кожобеков, — я как бы заново открыл для себя Островского. И понял до конца его строки из письма к другу: «Помни ты, что я не из железа». Мы почему-то чаще вспоминаем о полных бодрости и радости мыслях Островского, чем вот о таких, немногих грустных. А это, на мой взгляд, неверно. Это обедняет и выхолащивает его образ, делает каким-то совсем уж недостижимым и музейным. А он писал: «Живешь вечно новой надеждой, что хоть как-нибудь буду работать. Жизнь пока бьет, и ей сдачи дать — нет сил». И именно в том, что «у смерти на краю» он сумел дать ей сдачи, вырваться из железного капкана болезни, преодолеть собственные сомнения и грусть и в полной мере ощутить ни с чем не сравнимую радость творчества, именно в этом прояви-

лась удивительная сила воли Николая Островского. Конечно, в тяжелейшей борьбе с недугом он был не один. Он ощущал дыхание, пульс новой жизни всей огромной нашей страны, и это дало ему силы. Он писал: «Откуда у вас столько бодрости, — спрашивали меня, не понимая, что из ничего ничего бы и не вышло. А надо мной долго трудилась наша партия и комсомол. Вот откуда идет и моя романтика. Вот кто высек огонь творчества в моем сердце».

Мне кажется, Николай Островский — это герой любого поколения. Конечно, какие-то детали уходят в прошлое, и молодежи сейчас уже трудно по-настоящему осознать такие понятия, как голод, разруха, война. Да это и прекрасно: пусть для наших детей они навсегда останутся только понятиями. И все равно вечным их героем будет Островский. Потому что, пока существует человечество, оно будет нуждаться в таких людях, которых можно по праву называть гениями человеческого духа, всепобеждающего мужества. Когда я думаю об Островском, невольно вспоминаю легенду о Данко. Горячие искры его пламенного сердца прорываются сквозь годы и расстояния и освещают нам путь, особенно в минуты тяжелых испытаний; нас обжигают его слова. От них захватывает дух, потому что, читая их, помнишь, что это писал человек, обреченный на смерть и презревший ее: «Я никогда не думал, что жизнь принесет мне такое огромное счастье. Жуткая трагедия разгромлена, уничтожена, и вся жизнь заполнена всепобеждающей радостью творчества».

В прошлом году я, как и тысячи людей в нашей стране, несколько вечеров подряд неотрывно сидел у экрана телевизора. Признаться, новый телефильм о Павке Корчагине поначалу встретил настороженно. Хотя с первых же эпизодов было видно, что сделан фильм превосходными мастерами, и исполнитель роли Павки — актер Конкин привлек своей юностью, искренностью, и все-таки, казалось, в некоторых сценах ему не достает мужества и зрелости. Но это приходит. Актер мужает вместе со своим героем. И мне кажется, Конкин сделал одно важное и существенное открытие. Его Павка — нежный и хрупкий, ранимый и чуткий; запоминается надолго его щемлящая, доверчивая, нежная улыбка. Все это как бы приблизило Павку к тысячам сегодняшних юношей и девушек. Приблизило, но не приземлило. Потому что сквозь Павкину нежность и незащищенность ощущается его великое мужество, умение выстоять до конца. И мы верим герою Конкина, потому что он предельно искренен — в каждом эпизоде, в каждом своем слове. Знаю, высокие слова от чистого их употребления как бы обесцвечиваются. Но как иначе выразить то, что переполняет тебе душу. Хочу повторить общеизвестное. Такие, как Павка Корчагин и Гани Муратбаев, построили новую жизнь. И нам нужно беречь ее.

В минуты печали я вновь и вновь вспоминаю о человеке, прикованном к постели. Его не слушалось собственное тело, он потерял зрение, и приходившим к нему казался почти мумией. Но он разговаривал, улыбался. И перед его внутренним зрением проходили, оживали яркие картины щедро, взахлеб прожитой жизни. Они как бы воскресали из небытия, и он спешил, торопился записать, продиктовать их. Он не ушел, пока не написал главную книгу своей жизни. И я думаю, счастье любого человека состоит в том, чтобы успеть сделать то, что является для тебя главным».

Кененбай Кожобеков еще долго читает мне наизусть письма Островского. Потом мы говорим. Просто так. О съемках нового фильма, о новых творческих планах. Потом я ухожу и вдруг вспоминаю одну маленькую деталь, которую случайно узнала от его знакомых. Несколько лет назад на вступительных экзаменах в вуз дочь Кожобекова выбрала сочинение на свободную тему: «Потомки Павки Корчагина». Она писала о своем отце...

С. ШТЕЙНГРУД.